

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Рудь А.А.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: raa@bk.ru

АЛКОГОЛЬ И ЕГО ФУНКЦИИ В КУЛЬТУРЕ ХАНТОВ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

Обычно алкоголь и его место в жизни коренного населения Сибири и Дальнего Востока рассматриваются в негативном ключе, как серьезная проблема, свидетельство культурной и социальной дезадаптации. Целью данного исследования является показать, что подобный взгляд по меньшей мере не полон. Материалы автора, собранные у хантов Сургутского Приобья в 2002–2018 гг., а также изучение проблемы употребления алкоголя другими исследователями демонстрируют функциональную значимость спиртного как в религиозной, так и в социальной жизни восточных хантов.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, восточные ханты, практики употребления алкоголя, социальные функции алкоголя, алкоголь в традиционной религии, алкоголь в быту.

В основу работы легли полевые материалы автора, собранные у хантов Сургутского Приобья в 2002–2018 гг. Границы исследований включают территории проживания восточных хантов, населяющих правые притоки Оби (Лямин, Пим, Тромъеган, Аган) и ее левые притоки (Большой Юган, Малый Юган), а также правый приток р. Иртыша — р. Демьянку. В процессе работы автор использовал методологические подходы, зародившиеся на рубеже XIX–XX вв., но не потерявшие своей актуальности в наши дни. Изучение роли алкоголя в традиционных ритуалах восточных хантов базировалось на методологии дарообмена, предложенной М. Моссом [2011]. При анализе функций алкоголя, его места в традиционной культуре и социальных отношениях восточных хантов был использован структурно-функциональный подход [Малиновский, 2006].

История исследований

Место алкоголя в традиционных культурах Западной Сибири, проблемы, связанные с употреблением спиртного коренными жителями, неоднократно рассматривались современными исследователями [Новикова, 1995; Вигет, 2002; Главацкая, 2005; Пивнева, 2005; Leete, 2005; Wiget, Balalaeva, 2007; Истомина, 2011; Вигет, Балалаева, 2014; Dudeck, 2015; Соколова, 2015, 2017]. Если расширить территориальные рамки в границах Севера России и Сибири, та же тема поднималась как представителями медицины [Козлов, 2007, Тальянова, 2011], так и антропологами и этнологами [Истомина, 2011; Дмитриенко, Чухрова, 2012; Хаховская, 2015; Ярзуткина, 2017].

Алкоголь, вероятнее всего, попал в Сибирь вместе с русскими казаками и купцами в конце XVI в. и занял заметное место в культуре и религии северных аборигенов. В начальный период русской колонизации он был доступен не всем коренным жителям. Архивные документы XVII в. указывают на то, что «вино» было одним из инструментов взаимодействия с остячками князьями и «лучшими людьми» туземцев [Древний город на Оби..., 1994, с. 107–113]. С самого начала русской колонизации алкоголь служил своего рода проводником при крещении сибирских иноземцев, которое началось при митрополите Филофее Лещинском в начале XVIII в. и продолжалась в течение полувека [Главацкая, 2005, с. 229–258]. Первым опытом знакомства с алкоголем мог быть ритуал таинства причащения, являющийся неотъемлемой частью православной церемонии крещения. К XIX в. проблема употребления алкоголя аборигенами беспокоила российское правительство настолько, что Александр I именным указом запретил ввозить его к коренным жителям Сибири [Главацкая, 2005, с. 93]. А. Леэте в публикации, посвященной влиянию алкоголя на коренное население Сибири в XIX в., приведены многочисленные сведения путешественников XIX — начала XX в. о негативных последствиях употребления спиртного аборигенами Западной Сибири [2005, р. 249–252].

Несмотря на предпринимаемые российскими властями меры на территории Западной Сибири, «до 1917 г. купцы и перекупщики пушнины нередко выменивали “мягкое золото” на продукты, в том числе водку и спирт» [Соколова, 2017, с. 100]. Иллюстрацией мер по сдерживанию алкоголизации населения Западной Сибири может служить обзор государственных ограничений, приведенный З.П. Соколовой: «До революции спирт и водку на Севере аборигенам прода-

вать не разрешалось. В 1920-е годы по настоянию этнографов завоз спирта на Север также был запрещен, сухой закон действовал по 1935 г. Спирт появился после Великой Отечественной войны. При этом сначала (до середины 1950-х гг.) его доставляли в бочках, позднее (благодаря вмешательству этнографов) — только в бутылках, а к середине 1970-х гг. он был полностью запрещен» [2015, с. 101]. Отметим, что в 1970–1980-е гг. алкоголь продолжал поступать на Север через систему советской торговли. В места проживания коренного населения завозили много одеколона, который пили, когда не было водки и вина. Также процветала спекуляция алкоголем — в виде продажи его в неуточное время, при скупке частными лицами пушнины и рыбы. Согласно полевым материалам З.П. Соколовой, доля алкоголя (водка и одеколон) в конце 1980-х гг. на р. Большой Юган по отношению к покупаемым продуктам составляла 10 % и более. В местных магазинах продажи водки достигали 50 % от всех товаров и продуктов [2017, с. 103–104]. В начале XXI в. употребление спиртного в традиционных сообществах Сибири сохранялось на высоком уровне, что являлось фактором ухудшения здоровья, повышенной смертности и низкой продолжительности жизни [Пивнева, 2005]. Причины алкоголизации коренного населения Севера и Сибири в 1960 — начале 2000-х гг. Е.А. Пивнева видит в изменении социально-экономического уклада [Там же, с. 75].

До рубежа XIX–XX вв. аборигенам Западной Сибири винокурение не было знакомо. Таким образом, известные сегодня примеры приготовления восточными хантами бражки из морозки, сахара, муки и дрожжей [ПМА, июнь 2002, июль 2005, апрель 2007], а также других ингредиентов мы связываем с опытом, полученным от приезжих умельцев. А.А. Ярзуткина, проводившая исследования на Чукотке, отмечает, что подобная ситуация также характерна для коренных народов Северо-Востока России — здесь алкоголь стал известен местным жителям только с середины XIX в. [2017, с. 138]. Напротив, публикации, посвященные значению алкоголя в культуре коренного населения Южной Сибири, указывают на древние традиции знакомства бурят и алтайцев с винокурением [Дмитриенко, Чухрова, 2012, с. 243–246]. Небезынтересно отметить, что стереотип о предрасположенности аборигенов Сибири к алкоголю на генном уровне не находит поддержки у исследователей — предшественников медицины, в то время как социокультурные особенности употребления спиртного маркируются ими как значимые. Так, А.И. Козлов приходит к выводу, что сложившееся в российском обществе мнение о «гене» предрасположенности аборигенов к алкоголю должно быть пересмотрено: «Потребление алкоголя в среде северян в первую очередь — следствие ослабления инстинктов самосохранения, отражающее социальную дезориентацию аборигенных сообществ. Потеря цели, отсутствие ориентиров, ощущение собственной ненужности и бесполезности в мире, который становится иным, — вот основные причины кризиса. Алкогольная ситуация — лишь его отражение» [2007, с. 48–49]. Важность учета биологических, социальных и этнокультурных аспектов потребления спиртного коренным населением Сибири также отмечает врач-психиатр Т.И. Тальянова [2011, с. 55].

Алкоголь в космогонических мифах

В культуре восточных хантов легитимность алкоголя утверждают космогонические мифы. В настоящее время зафиксированы указания информантов на существование фольклорных сюжетов об употреблении алкоголя божествами верховного пантеона во время акта творения мира. Аргумент выпивающих богов-демиургов появляется при ответах информантов на вопросы об оценке влияния алкоголя на их жизнь: *Вот говорят, что ханты много пьют. Что когда на священных местах ханты жертвоприношение делают, то напиваются. Даже старые люди рассказывали такое про наших хантыйских богов: они выпивали, когда делали нашу землю — реки, озера, тайгу, человека, зверей — всё что сейчас есть. Они пили вино и делали землю* [ПМА, март 2008]. По сведениям Е.В. Переваловой, в угорской традиции один из верховных божеств, *Мир-Сусне-Хум* — «За-Миром-Смотрящий-человек» (он же — «Небесный Всадник»), соотносящийся с фигурой сына *Торума* — божества *Сорни Кон Ики* восточных хантов, характеризуется как «учитель шаманов, чудодей в разноцветной шапке, с бутылкой водки и табакеркой в руках» [2019, с. 35].

В границах традиционного мировоззрения легитимность употребления алкоголя для человека может быть указана божествами и духами через шамана. Такой знак для людей с традиционной картиной мира имеет большую значимость. Так, один из пимских хантов среднего возраста сообщает: *Я тогда много пил. В жизни все плохо было. К тромъеганскому шаману поехал, спрашиваю — может, перестать бухать, может, верующим стать* (евангельским баптистом или пятидесятником. — А. Р.)? *Ты пошамань — узнай! Всё как нужно сделали. Он шаманил. У лункэт¹ спрашивал — что да*

¹ Лункэт — божества.

как. Они отвечали: нужно мне на священные места ходить, жертвоприношения делать. Кури, пей, бухай — всё будет хорошо. Так они сказали. Ну, я стал молиться, на святилища стал ходить. Пори², йыр³ делаю. Водку пью, курю. Всё хорошо [ГМА, сентябрь 2007].

Алкоголь в традиционных ритуалах

В ходе христианизации коренного населения Западной Сибири в XVIII в. алкоголь был неотъемлемой частью синкретических по сути и традиционно-православных по содержанию ритуалов обращения аборигенов в христианство [Перевалова, 2019, с. 88–98]. Не исключено, что значимость спиртного в православных церемониях со временем распространилась на традиционные угорские ритуалы и религиозные церемонии. Сегодня практически ни одно жертвоприношение божествам не обходится без угощения их алкоголем. Во время обрядов-угощений божеств сохраняется порядок ритуальной трапезы: сначала угощение жертвенной пищей, чаем и спиртным адресуют божествам, затем — ритуальную трапезу и угощение алкоголем продолжают люди. Эта неотъемлемая составляющая ритуалов может являться одной из причин раннего знакомства хантыйской молодежи с алкоголем. Вместе с тем отметим: в процессе присутствия на ритуалах автором ни разу не фиксировалось принуждение участников к принятию алкоголя. Каждый участник имеет выбор, сколько ему пить алкоголя и как часто. Данные наблюдения подтверждаются Ш. Дудеком: «Толерантность к тому, чтобы бросить пить раньше других, как правило, выше среди местных оленеводов, чем я обычно испытываю с русскими в аналогичных ситуациях... Также учитываются индивидуальные различия в достижении состояния опьянения, а также индивидуальное решение оставить стол» [Dudeck, 2015, p. 95]. В качестве альтернативы для детей и взрослых, не принимающих алкоголь, существует обычай символического смазывания водкой висков человека либо же возможность «пригубить», но не пить спиртное [ГМА, 2002–2018].

Во взаимоотношениях «человек — божество» алкоголь выполняет функцию медиатора между миром человека и миром божеств. Информанты объясняют ритуал «угощения божеств вином» с позиций, согласующихся с методологией дарообмена [Мосс, 2011]. В традиционных ритуалах хантов алкоголь выступает угощением и даром божествам от мира людей с целью ожидания (или испрашивания) содействия человеку в промысле, достатке, здоровье и безопасности [ГМА, 2002–2018].

Спиртное является социальным катализатором, выполняющим функцию ускоренного включения чужого человека в традиционное сообщество [Dudeck, 2015, p. 93–95]. Стирая социальные границы между участниками ритуала, алкоголь также является инструментом перехода человека в измененное состояние сознания. Коллективное потребление алкоголя в процессе ритуалов вызывает эмоциональное единение собравшихся, что, в свою очередь, выполняет интеграционную функцию укрепления социальных связей. С позиции дарообмена алкоголь выступает в качестве ценного подарка для приглашенных на ритуал гостей, которые также приходят на религиозную церемонию не с пустыми руками [ГМА, 2002–2018].

Не обходятся без алкогольных подношений другие религиозные церемонии: приношения божествам стихии огня — *Най Анки* («Мать Огня»), *Кот Най Ими* («Домашнего Огня Хозяйка»), *Вонт Най Ими* («Лесного Огня Хозяйка»), *Терэс Най Анки* («Мать Огненного моря») [Рудь, 2018, с. 131–133], божествам-хозяевам водоемов, главным хозяевам вод и «повелителям рыб» — божествам *Инк Ики* («Хозяин Вод») и *Ас Ики* («Хозяин Оби»), Медвежий праздник, обряды гаданий и шаманских камланий, погребальные и поминальные ритуалы [ГМА, 2002–2018]. Здесь алкоголь входит в структуру ритуалов жертвоприношений и угощений божеств огненной и водной стихий, божественной ипостаси Медведя, а также божеств и духов во время гадания или камлания или же «помогает» проводить усопшего в последний путь.

В хантыйском языке традиционная свадьба обозначается — *вина пори* («винное жертвоприношение»), подразумевающее приношение спиртных напитков божествам-покровителям в честь образования новой семьи. Отметим, что в ходе опросов о ритуалах сватовства и свадьбах информанты неоднократно подчеркивали обязательность подарков родителям невесты в виде алкоголя. Некоторые информанты вспоминают о своих свадьбах, на которых неотъемлемым атрибутом церемонии было потребление алкоголя на фоне пожелания благополучия и здоровья молодоженам [ГМА, июль 2003, февраль 2004, сентябрь 2005].

² Пори — бескровное жертвоприношение.

³ Йыр — кровавое жертвоприношение.

Алкоголь в дороге

До сих пор при выезде из национальных поселков на стойбище многие коренные жители совершают дорожные ритуалы с просьбой к божествам об удачной обратной дороге. Помимо этого, у восточных хантов сохраняются подношения спиртного в ходе путешествия по рекам (например, выливание алкоголя в воду или же приношение спиртного на берегу водоема) при прохождении священных объектов, связанных как с верховным пантеоном, так и с местными божествами-хозяевами. Со слов информантов, «в старые времена» лесные жители могли везти из поселка большие запасы спиртного, часть из которых употреблялась по дороге [ПМА, январь 2003, март 2007, июнь 2009]. До сих пор на отдельных участках традиционных хантыйских дорог бутылки из-под алкоголя, надетые на ветки деревьев, выполняют функцию маркеров пути. В ментальной карте людей, оставивших тару от алкоголя, такие метки могут выполнять функцию маркеров жизненных вех. Некоторые из подобных мест могут приобретать собственные имена. Так, на Большом Югане между юртами Рыскиными и Каюковыми одно из мест, где ранее останавливались, чтобы дать отдохнуть оленям, а теперь останавливаются, чтобы дать остыть снегоходу, называется «Пьяное дерево». Подножье дерева и прилегающая территория содержат следы потребления спиртного — бутылки, пробки, стаканы и пр. [ПМА, январь 2003]. Отметим, что употребление алкоголя в дороге является причиной травмирования людей, несчастных случаев, порчи транспортных средств [ПМА, 2002–2018].

Значимость алкоголя в ритуальной сфере может переноситься на тару из-под алкоголя. В ходе обследований стойбищ восточных хантов в 2000-х гг. в правобережье Оби бутылки из-под алкоголя нередко фиксировались в местах отправления традиционных ритуалов — «за спиной дома», около священных нарт, рядом с культовыми лабазами [ПМА, 2002–2018]. Эту деталь поясняют информанты: использованные бутылки не являются мусором, потому что алкоголь в них был адресован «на бога» [ПМА, июнь 2002, февраль 2004].

Алкоголь в быту

Распитие спиртного в быту может являться продолжением ритуального потребления. Алкогольное застолье бывает инициировано человеком как реакция на негативные или же позитивные изменения его повседневной жизни. Спиртное расслабляет после выполнения длительной монотонной тяжелой работы в лесу. Так, один из информантов с Малого Югана повествует: *«Мы же в урмане целую зиму охотимся. Сейчас закончится сезон, сниму капканы — поеду в Уэут,— шкурки сдам, мясо продам. Отдохну, водочки попью. Побухаю немножко»* [ПМА, март 2004]. Употребление алкоголя в повседневной жизни включает все перечисленные выше функции ритуального потребления спиртного. Помимо всего, Ш. Дудек отмечает интеграционную функцию распития алкоголя в быту, обозначая ее «ритуалом интеграции»: «...безопасный способ включить незнакомца в социальную группу — это вовлечь его в практики, когда участники вместе теряют лицо в пьяной вечеринке...» [Dudeck, 2015, p. 97].

Отсутствие противоречий в ритуальном и бытовом потреблении спиртного наблюдается в жизненном укладе восточных хантов. Для примера приведем ситуацию, которую мы наблюдали во время посещения родового святилища юганских хантов Тайлаковых *Сот Нехус Ики*. Преодолев долгий путь от р. Демьянки — сначала на снегоходах, затем на лыжах, мы подошли к святилищу, которое коренные жители не посещали уже около года. Культовый объект, находящийся на берегу р. Сугмутеньях, был представлен священным лабазом и ритуальной площадкой с костровищем. Внутри культового амбарчика должны были находиться семь деревянных фигурок божеств. Хранитель святилища полез в культовый амбарчик наводить порядок. Во время предыдущих ритуалов изображения божеств и их помощников кормили жиром. За время отсутствия людей на запах жира приходили россомаха или медведь и раскидали культовые изображения божеств и жертвенные приклады, адресованные им. Интересна ироничная реакция хранителя на мародерство зверя: *«Смотри! Что тут такое в лабазе случилось? Такой беспорядок. Лункэт — пили, что ли? Они пьяные, что ли? Два сидят на своих местах, два — спят на полу в лабазе. Еще два где? С охоты еще не вернулись? Нет — валяются у лабаза, в снегу. Перебрали, наверно. А где еще один? Нигде не видать его. Куда пропал? Зачем спрятался? А! Наверное, поехал в гости к родственникам жены»* [ПМА, апрель 2007]. Этот монолог информанта является калькой жизненного уклада юганских хантов-охотников. После окончания длительного зимнего охотничьего сезона люди могут позволить себе расслабиться. Именно в этот период, пока сохранились дороги и не начались хлопоты по подготовке к весеннему сезону, у многих таежников появляется возможность совершать поездки с целью посещения родственников. Важно отметить,

что в приведенном сюжете жизнь божеств наделяется всеми качествами жизни людей — они едут к родственникам жены, охотятся, оставляют беспорядок и конечно же — употребляют алкоголь.

До индустриализации, в силу отдаленности поселков (мест продажи алкоголя) от стойбищ и юрт хантов, была распространена модель длительного, вплоть до запоев, потребления алкоголя во время посещений населенных пунктов [ПМА, 2002–2018]. Любопытно, что подобная модель употребления алкоголя сложилась, вероятнее всего, еще в XVIII–XIX вв. Так, А. Лаэте отмечает: «А. Альквист и Ю. Лехтонен предполагают, что сообщения о... зависимости северных народов от водки могут быть следствием неточного представления исследователей о них. В большинстве случаев туземцев видели в городах и на ярмарках, и в этих местах они действительно могли пить. И все же, большую часть времени они были трезвыми, когда в лесу у них не было водки несколько месяцев» [2005, р. 252].

По мнению З.П. Соколовой, одной из причин легкой доступности алкоголя в национальных поселках Западной Сибири в 1970–1980-е гг. являлась взаимосвязь торговли спиртным с местными бюджетами и наличными деньгами [2017, с. 105]. Итогами такой экономической политики местных властей стало повальное пьянство жителей национальных поселков, особенно в периоды завоза спиртного [Там же, с. 97]. Любопытно, что, несмотря на указание о доступности алкоголя в поздний советский период, отмечается, что юганские ханты п. Угут запасали вино и водку впрок для традиционных обрядов и дарения божествам [Там же, с. 102].

Как в прошлом, так и сегодня случаи употребления спиртного хантами во время пребывания в поселках способствуют бытованию устойчивого стереотипа в восприятии их русским населением как «не просыхающих». Так, супруга главы хантыйской общины «Яун-ях» (русская) оценивает употребление алкоголя юганскими хантами в п. Угут: *Наши ханты ведь пить не умеют. Они там всю зиму в урмане сидят. Охотятся. Не пьют. А весной как приедут в Угут — так держись. День, пьют, другой пьют, третий, неделю. Пьют, дерутся. Идет по поселку — его всего уже трясет от этой водки, а он еще и деньги просит “на опохмелку”. Некоторых таких пока не посадишь на “Буран”, домой не отправишь, так и болтаются по поселку. Они обратно в юрты к себе уезжают, только там, в лесу, прекращают пить. И так до следующего приезда в поселок* [ПМА, январь 2003, март 2004].

Нелегальный провоз и сбыт алкоголя на территорию проживания коренных жителей Западной Сибири пресекались властями на протяжении нескольких последних веков, хотя это не имело большого эффекта. Попытки ограничить ввоз алкоголя властями предпринимаются и в настоящее время. Имеется информация, что в 1990–2000-х гг. власти общин коренных жителей, а также активисты населенных пунктов препятствовали завозу спиртного в места компактного проживания восточных хантов — вплоть до запрета выгрузки алкоголя из вертолетов, с судов и автотранспорта [ПМА, март 2004, март 2007, март 2011]. Отметим, что подобные социальные антиалкогольные практики («десанты») местных властей и активистов были зафиксированы А.А. Ярзуткиной в населенных пунктах аборигенов на Чукотке [2017, с. 138].

Длительное время алкоголь выступал в качестве эквивалента денег при натуральном обмене товарами и оказании коренным населением транспортных услуг [Перевалова, 2019, с. 287]. Лишь последние два десятилетия, по причине широкой доступности спиртного, денежный эквивалент стоимости перевозки стал более востребованным [ПМА, 2002–2018]. В советское время дефицит спиртного среди таежных аборигенов вызывал спрос, который удовлетворялся русским населением, продававшим его по завышенной цене или же обменивавшим на продукцию традиционного промысла [Соколова, 2017, с. 101]. Ситуация не изменилась и в 1990-е гг. На Тромъегане были получены сведения, что в середине 1990-х гг. один из представителей местной администрации пытался обменивать у хантов государственные приватизационные чеки («ваучеры») на алкоголь [ПМА, март 2008]. Вероятнее всего, торговля спиртным и его неравноценный обмен на традиционную продукцию существовали в Западной Сибири с момента широкого знакомства аборигенов с алкоголем. Упоминания об этих фактах в XIX — начале XX в. содержатся в работе А.А. Дунина-Горкавича [1995, с. 130–137].

В ходе таких взаимодействий формировались стереотипные штампы у русскоязычного населения при оценке алкогольной зависимости восточных хантов: *«Есть здесь местные. Приезжает тут на буровую один хант, вечно пьяный. Как ни приедет — всё водку спрашивает»; «Ханты за водку продают всё. Наши мужики у хантов за пузырь водки рыбу покупали, оленину, шкурки»; «Один мужик рассказывал, что ему хант за пузырь водки со своей женой переспать предлагал»* [ПМА, 2002–2018]. Отметим, что, в большинстве подобных нарративов осно-

ваны не на реальных фактах, а иллюстрируют культурный шок русского населения, столкнувшегося с особенностями потребления спиртного аборигенами.

Алкоголизация Сургутского Приобья

С конца 1960-х гг., в процессе индустриализации в Сургутском Приобье строятся новые города и поселки нефтяников, а также автодороги, создается широкая сеть промышленной инфраструктуры. Доступность населенных пунктов значительно повысилась, что привело к взрывной волне алкоголизации коренного населения в конце 1980-х — начале 2000-х гг. Заметную роль в этом процессе сыграла политическая, экономическая и социальная нестабильность конца 1980-х — 1990-х гг. Причины алкогольной зависимости коренных жителей Севера и Сибири в 1990-х гг. отмечает Н.И. Новикова: «Негативное влияние на жизнь и здоровье оказывает резкая смена образа жизни — традиционного быта, темпа жизни. Темпы интенсификации жизни опережают развитие приспособительных механизмов психической адаптации, что способствует развитию эмоциональных нарушений у коренных жителей. Резкое изменение образа жизни приводит к несоответствию уже сложившихся стереотипов с новыми требованиями. Создается так называемый “аккультурационный стресс”, возникает длительное психоэмоциональное напряжение и предпосылки к формированию зависимости от алкоголя» [1995, с. 83].

Не последнюю роль в упомянутых процессах сыграла отмена в 1992 г. государственного регулирования оборота алкоголя, следствием чего стало резкое увеличение поступления некачественного алкоголя на Север. Совпад с общей нестабильностью времен краха СССР в конце 1980-х — 1990-х гг., эта проблема в первую очередь затронула коренных жителей, проживающих в национальных поселках. Появившиеся в период массового перехода на оседлость в 1960–1970-х гг. [Пивнева, 2005, с. 68] национальные поселки стали восприниматься хантами, проживающими в лесу, как места деградации традиционной культуры, где прочно обосновались «депрессия, пьянство и безразличие» [Вигет, Балалаева, 2014, с. 50, 55; ПМА, 2002–2018]. Восприятие жизненного уклада «поселковых» хантов «лесными» хантами было метко подмечено Ш. Дудеком: «...хантыйское обозначение для хантов, живущих в деревне, буквально переводится как “живущие у лавки” (на хантыйском языке “лавка” означает деревня, а также магазин), с коннотацией деревенского магазина как основного источника водки. Таким образом, деревня как место проживания ассоциируется с алкогольной зависимостью...» [Dudeck, 2015, p. 104–105].

Последствиями употребления алкоголя стали ухудшение состояния здоровья коренных жителей, случаи домашнего насилия, несчастные случаи и убийства в состоянии алкогольного опьянения. Отметим: негативные последствия алкоголизации затронули все сообщество восточных хантов на территории исследований, в том числе население, проживающее в тайге [ПМА, 2002–2018]. Наши наблюдения подтверждаются исследованиями Э. Вигета и О. Балалаевой в Сургутском Приобье: «Можно бесконечно приводить примеры саморазрушительных запоев, которые приводили к преступлениям, самоубийствам и домашнему насилию, что в последние годы случается с ханты не только в русских поселениях, но и когда они возвращаются в юрты» [Вигет, Балалаева, 2014, с. 55].

Выход из кризиса

Выход из кризиса наметился в двух направлениях. С 1990-х гг. в ХМАО — Югре законодательно было реализовано право коренных жителей на занятие традиционным природопользованием в местах исконного проживания. В 1992 г. здесь появился институт родовых угодий (позднее — территорий традиционного природопользования) [Перевалова, 2019, с. 282–285; Положение о статусе...; Закон ХМАО — Югры...]. С его введением промышленные компании стали обязаны согласовывать свою деятельность в родовых угодьях с коренными жителями посредством экономических соглашений с ними. Это позволило хантам регламентировать промышленное освоение территорий традиционного природопользования, а также получать материальные компенсации при отчуждении части угодий.

Вместе с тем к началу 1990-х гг. относятся воспоминания информантов о том, что алкоголь стал использоваться промышленными компаниями как инструмент при согласовании обустройства нефтяных месторождений. Сначала проект обустройства нефтяники «согласовывали» с пьющими аборигенами путем завоза спиртного непосредственно на стойбища хозяев угодий. Затем, уже имея часть подписей согласования, уговаривали более стойких хозяев [ПМА, 2002–2018]. В литературе описан случай сговора между нефтяниками и местными властями с целью получить от владельцев родовых угодий разрешение на промышленное освоение месторождения нефти [Вигет, 2002, с. 212–213].

И все же политические и экономические изменения времен перестройки имели положительный эффект для коренного населения Среднего Приобья, которое стало рассматривать традиционное природопользование как ресурс, дающий жизненные перспективы. Многих лесных жителей новые законодательные инициативы побудили выйти из алкогольной зависимости, сделать выбор в пользу традиционного природопользования: *Мой муж, когда организовывал общину — тогда люди почти все в поселке жили, мало кто в лесу оленей держал. Вот С.К. ходил по Юбилейному — пил, бичевал. Муж позвал его в общину — первые стойбища строить. С.К. же всё умеет делать своими руками — пить бросил, стойбище себе в лесу построил, оленей завел. Сейчас известный оленевод* [ПМА, июль 2004]. Сегодня характер взаимоотношений хантов с нефтяниками в части определения ценности родовых угодий через алкоголь претерпел большие изменения, которые можно выразить фразой одного из сотрудников ОАО «Сургутнефтегаз»: *Раньше ни с кем не нужно было ничего согласовывать. Любую буровую можно было за пузырь водки поставить где угодно. А теперь угодья у хантов везде. Теперь тут нельзя, там нельзя — ни пузырь, ни ящик водки не нужен. Квартиру в городе подавай им* [ПМА, декабрь 2004].

Правовое обеспечение традиционного природопользования дало толчок к активному возрождению культуры и религии восточных хантов с конца 1980-х [ПМА, 2002–2018; Перевалова, 2019, с. 299]. При этом сегодня употребление алкоголя при отправлении ритуалов можно оценить в целом как умеренное. Традиция не поощряет негативные эмоции и деструктивный настрой во время обрядов. Поэтому чаще всего отрицательные последствия потребления алкоголя наблюдаются за границей сакральных ландшафтов и вне религиозных церемоний. Нередко старейшины и хранители традиции выступают противниками алкоголя и отказываются от спиртного, чтобы ритуал не превратился в банальную попойку [ПМА, февраль 2010, декабрь 2010, июль 2012, март 2014]. Тенденция отказа хранителей традиций от употребления алкоголя впервые была отмечена в 1995 г. Н.И. Новиковой [1995, с. 87] и за 25 лет превратилась в устойчивый тренд, который сохраняется в настоящее время, несмотря на смену поколений хранителей традиции. Наши наблюдения подтверждают исследования Ш. Дудека, проведенными в Сургутском Приобье, где один из его пожилых информантов выступал с критикой бытового распития алкоголя, в то же время допуская его ограниченное употребление в традиционных ритуалах [Dudeck, 2015, p. 104–105]. Другой иллюстрацией вышесказанного могут служить сведения В.Н. Адаева об отрицательной оценке информантом роли алкоголя в процессе неудачных поисков хантами р. Демьянки святилища духа-покровителя реки: «Бог главный обиделся, ушел совсем, помощников только оставил. Пить-то нельзя было, а тут пили, дрались» [Адаев, 2007, с. 202].

К началу 2000-х гг. другим стимулом выхода из алкогольной зависимости, как ни странно, стал кризис традиционной религии. Традиционная религия, не сумевшая оперативно дать актуальные ответы на вызовы XXI в. (промышленное освоение, урбанизация и разрушение традиционной среды проживания, трансформация традиционного мировоззрения), уступила место учениям пятидесятников и евангельских христиан-баптистов. Учения неопротестантов заняли место в вакууме, образовавшемся в результате разочарования традиционной религией. В процессе исследований установлено, что некоторые информанты-неофиты истоки алкоголизма своих сородичей видят в самой традиционной религии и ритуалах [ПМА, январь 2003, март 2004, февраль 2007, март 2008]. Решив проблему алкоголизма радикальным отказом, сохранив во многих деталях традиционное природопользование, неопротестантские общины восточных хантов привлекли в свои ряды большое число поселковых и лесных жителей [ПМА, 2002–2020; Wiget, Balalaeva, 2007; Ключева, 2012]. Сходная оценка альтернативам употребления алкоголя у хантов Сургутского Приобья была сделана Ш. Дудеком: «В последнее время произошли определенные изменения в религиозных обрядах. Некоторые оленеводы перешли в протестантизм, а другая часть возродила традиционные религиозные практики, ограничив и контролируя употребление алкогольных напитков во время ритуалов» [Dudeck, 2015, p. 107–108]. Выход коренных жителей из алкогольной зависимости через принятие неопротестантской веры является общей тенденцией для современного Севера Сибири. К примеру, подобный процесс был отмечен Л.Н. Хаховской у коряков, где основой общин пятидесятников стали аборигены, ранее страдавшие от алкогольной зависимости [2017, с. 105–106].

Настоящее время

Сегодня в календаре восточных хантов мероприятиями, связанными с наиболее массовым употреблением алкоголя, являются дни традиционной культуры, регулярно организуемые властями в национальных поселках и городах нефтяников. Часто на такие праздники приезжают го-

родские жители и представители соседних территориальных групп хантов. Как правило, праздники являются сбором большинства членов территориальной группы хантов, населяющей один из крупных притоков Оби. Во время посещения национальных поселков в праздники восточные ханты могут решать множество проблем — экономических, административных, организационных, религиозных, родственных и пр. Многие из таких решений могут реализовываться за праздничной трапезой в сопровождении алкоголя. Спиртное является не официальной, но все же неотъемлемой частью развлекательных мероприятий праздников — гонок на оленях, соревнований на обласах, спортивных состязаний и конечно же вечерней дискотеки. Все это не оправдывает отрицательного влияния алкоголя на хантйскую молодежь, а также не исключает его негативной роли в возникновении конфликтов, бытового насилия и несчастных случаев [ГМА, 2002–2018].

Отметим, что во время этих массовых мероприятий алкоголь может выступать детонатором изменения социальных связей. На эту функцию впервые обратил внимание Ш. Дудек: «Ежегодные фестивали — единственное место, где собирается почти вся община в течение года. Поэтому они играют важную роль в жизни сообщества. Я заметил, что это почти единственное место, где можно открыто разыграть конфликт и изменить социальную ткань, разрушая старые связи и устанавливая новые. Жизнь в небольших семейных группах кочевников или в изолированных поселениях... не допускает возникновения конфликтов в остальное время года, а публичное обсуждение противоречий является табу. Отсутствие самоконтроля, вызванное употреблением алкоголя, позволяет нарушать табу» [Dudeck, 2015, p. 102–103]. Среди других негативных факторов, связанных с употреблением алкоголя в жизни аборигенов, можно отметить нежелание ездить в гости к соседям и родственникам по причине злоупотребления алкоголем, а также отказ людей от участия в традиционных ритуалах, так или иначе подразумевающих употребление спиртного [ГМА, 2002–2018]. Последствиями такой формы отказа от спиртного могут стать сокращение числа социальных контактов, нарушения родовых и территориальных связей, что опосредованно ведет к нарушению преемственности культурных традиций. Нежелание попадать в алкогольную зависимость может служить одной из причин смены места проживания. Так, на Тромъегане зафиксирован случай, когда супруга одного из хранителей традиции хотела сменить место зимнего стойбища, находящегося на магистральной хантйской дороге, по причине нескончаемого потока транзитных гостей, бесконечных ритуалов и чрезмерного употребления спиртного главой семьи совместно с гостями [ГМА, февраль 2004, декабрь 2004].

Урбанизация Сургутского Приобья и появление широкой транспортной инфраструктуры нефтяников внесли свои коррективы в современный трафик алкоголя. В 1990-х гг. большинство нефтедобывающих компаний ввели пропускной режим, который запрещает сотрудникам компаний ввозить алкоголь на территорию месторождений. Однако ханты продолжают ввозить спиртное, как через КПП (по причине формального досмотра транспорта и вещей аборигенов), так и по традиционным дорогам — в обход КПП. Интересна деталь современного трафика алкоголя: сегодня, в отличие от 1970–1990-х гг., спиртное ввозится на нефтепромыслы чаще всего коренными жителями — не только для собственного потребления, но и для продажи производственному персоналу на месторождениях [ГМА, март 2011, август 2018].

Заключение

Хотя алкоголь может представлять серьезную проблему для восточных хантов, его ни в коем случае нельзя считать внекультурным феноменом — т.е. утверждать, что там, где начинается водка, культура заканчивается. Употребление алкоголя в культуре восточных хантов восходит к началу XVII в. Несмотря на проблемы, связанные с алкоголизмом, а также негативное влияние на здоровье восточных хантов, спиртное играет важную роль в их культуре. Признание легитимности алкоголя в мировоззрении зиждется на космогонических мифах, в них боги-демиурги, выпивая «вино», создают космос восточных хантов. В ритуальной сфере спиртное является даром в адрес божеств, от которых взамен ожидают содействия человеку в охотничьем и рыболовном промысле, достатке, здоровье и безопасности. Помимо этого, алкоголь выполняет функцию стирания социальных границ в сообществе участников традиционных ритуалов, а также является инструментом перехода человека в измененное состояние сознания. В быту спиртное выполняет функции релаксации и снятия стресса. Также алкоголь служит своего рода социальным катализатором (при включении чужого человека в традиционный коллектив, трансформации социальных связей внутри территориальной группы во время крупных встреч ее членов). До недавнего времени алкоголь использовался и в качестве эквивалента денег при

обмене товарами и услугами. Алкогольные практики восточных хантов воспринимаются окружающими как негативная черта аборигенной культуры. Если факты его чрезмерного употребления во время нахождения хантов в населенных пунктах могут быть объяснены длительными периодами воздержания в лесу, то для понимания мотивов употребления алкоголя на стойбищах требуется дальнейшее изучение этой проблемы.

Изменения, вызванные индустриализацией Сургутского Приобья, а также экономические и социальные реформы постперестроечного периода привели к сокращению потребления спиртного восточными хантами. Сегодня эти перемены представлены двумя тенденциями. Первая включает процессы возрождения традиционной культуры, природопользования и религии, вторая — переоценку традиционной религии и переход части восточных хантов в неопротестантизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адаев В.Н. Ушедший хозяин Демьяна: (Почитание хантами духа-хозяина р. Демьянка в XX в.) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2006. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. Вып. 20. С. 186–205.

Вишет Э. Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Научно-исторические очерки. Екатеринбург: Тезис. 2002. С. 169–222.

Вишет Э., Балалаева О. Нефть, маргинализация и восточные ханты // Сибирские исторические исследования / Под ред. Д. Функа и О. Зайцевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. № 4. С. 38–72.

Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов: XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. 360 с.

Дмитриенко А.Н., Чухрова М.Г. Алкоголь в эпосе Сибирских народов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 243–246.

Древний город на Оби: История Сургута / Н.Н. Баранов, Д.В. Бугров, Е.М. Главацкая, С.В. Горшков, Н.А. Миненко, В.М. Морозов, Н.Н. Попов, Д.А. Редин, Ю.П. Чемякин, А.Т. Шашков. Екатеринбург: Тезис, 1994. 336 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерея, 1995. Т. I. 376 с.

Истомин К.В. «Атрибутивный стиль» и проблема пьянства и самоубийств среди малочисленных коренных народов Севера и Сибири // ЭО. 2011. № 2. С. 89–105.

Клюева В.П. Распространение протестантизма у коренных малочисленных народов (на примере хантов-пятидесятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 133–141.

Козлов А.И. Сухой закон для поселка и джиг для Председателя // Природа. 2007. № 8 (1104). С. 45–49.

Малиновский Б. Функциональный анализ // Антология исследования культуры. Интерпретации культуры. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2006. С. 681–702.

Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. С. 134–285.

Новикова Н.И. Алкоголизм у коренных народов Севера России // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М.: АИРО–XX, 1995. С. 82–89.

Перевалова Е.В. Обские уры и ненцы Западной Сибири: Этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 553 с.

Пивнева Е.А. Этнодемографические аспекты проблемы алкоголизма у малочисленных народов Севера // В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М.: Наука. 2005. С. 65–84.

Рудь А.А. Пожары в культуре восточных хантов: современные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 128–137. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-41-2-128-137>

Соколова З.П. Торговля на Обском Севере. Коренное население, 1950–1980-е годы: (Снабжение и потребление. Алкоголь и алкоголизм. Наличные деньги и бюджет) // Вестник угроведения. 2015. № 4 (23). С. 91–107.

Соколова З.П. Советский магазин: торговля и алкоголь на Обском Севере: (Коренное население в 1950–1980 гг.) // ЭО. 2017. № 1. С. 97–108.

Тальянова Т.И. Изучение алкоголизма в этнокультурном аспекте (обзор литературы) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 6 (69). С. 53–57.

Хаховская Л.Н. Алкогольные практики в корякской культуре // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2015. № 2. С. 98–107.

Ярзуткина А.А. Приюты, рейды, десанты: практики сосуществования жителей с алкоголем в чукотских селах: Стратегии минимизации проблемы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6/2. С. 137–143.

Dudeck S. 'Do You respect me?' Drinking as a Social Catalyst in the Reindeer Herding communities of European Russia and Western Siberia // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2015. Vol. 61. P. 89–116.

Leete A. Accounts of cannibalism, human sacrifice, alcohol-addiction and filthiness among northern peoples // Acta Ethnographica Hungarica. Iss. 50. № 1–3. P. 241–258.

Wiget E., Balalaeva O. Srisis, Conversion and Conflict: Evangelical Christianity, Rapid Change and the Eastern Khanty // Berghahn Journals. Sibirica. Vol. 6. № 1. P. 1–29.

ИСТОЧНИКИ

Нормативно-правовые акты:

Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе: Утв. решением Совета народных депутатов ХМАО от 07.02.1992. URL: <http://khanty.regnews.org/doc/sr/j4.htm>.

Закон ХМАО — Югры от 28.12.2006 № 145-ОЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре: (Принят Думой ХМАО — Югры 27.12.2006. URL: <http://www.dumahmao.ru/decisions/detail.php?ID=7082>).

Полевые материалы автора

Июнь 2002 (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Январь 2003 (д. Угут, р. Большой Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Июль 2003 (р. Лямин 2-й, р. Лямин 3-й, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Февраль 2004 (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2004 (д. Угут, р. Малый Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Июль 2004 (д. Тром-Аган, р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Декабрь 2004 (д. Русскинская, р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Июль 2005 (р. Демьянка, Уватский р-н ХМАО — Югры).
Сентябрь 2005 (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Февраль 2007 (р. Пим, п. Нижнесортымский, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2007 (д. Угут, р. Большой Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Апрель 2007 (р. Демьянка, Уватский р-н ХМАО — Югры).
Сентябрь 2007 (г. Лянтор, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2008 (д. Русскинская, р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Май 2008 (р. Малый Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2009 (р. Малый Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Июнь 2009 (р. Большой Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Февраль 2010 г. (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2010 (р. Малый Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Декабрь 2010 (д. Пырьях, р. Назым, Ханты-Мансийский р-н ХМАО — Югры).
Март 2011 (р. Пим, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Июль 2012 г. (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Март 2014 (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
Август 2018 (р. Тромъеган, Сургутский р-н ХМАО — Югры).
2002–2018 гг. Общие наблюдения, сделанные в ходе этнографических экспедиций к восточным хантам Сургутского Приобья (р. Лямин, Пим, Тромъеган, Большой Юган, Малый Юган, Сургутский р-н ХМАО — Югры; р. Аган, Нижневартовский р-н ХМАО — Югры; р. Демьянка, Уватский р-н Тюменской обл.).

Rud' A.A.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: raa@bk.ru

Alcohol and its functions in the culture of the Khanty of the Surgut Ob region

The aim of the research is to show the functions of alcohol in the traditional culture of the Eastern Khanty. The basis of the work is formed by the author's field data collected in 2002–2018 in Khanty Surgut Ob region, including the right bank of the Ob River (Lyamin, Pim, Tromyegan, and Agan) and its left bank (Bolshoi Yugan, Malyy Yugan), as well as the right tributary of the Irtys River (Demyanka). The study of the role of alcohol in the traditional rituals of the Eastern Khanty was based on the methodology of gift exchange proposed by M. Mauss [2011]. The structural-functional approach was used to analyze the functions of alcohol, its place in the traditional culture, and social relations of the Eastern Khanty [Malinovskiy, 2006]. Despite the problems associated with alcoholism, as well as the negative impact on the health of the Eastern Khanty, alcohol performs a number of functions in the traditional culture. The recognition of the legitimacy of alcohol in the traditional worldview is based on the cosmogonic myths. In the ritual sphere, alcohol is a gift to the deities, from whom the indigenous people, in return, expect assistance to a person in hunting and fishing, prosperity, health, and safety. Alcohol performs the function of erasing social boundaries in the community of participants in a traditional ritual. During traditional rituals, alcohol is a tool for a person's transition to an altered state of consciousness. In everyday life, alcohol performs the functions of relaxation and stress relief. Alcohol serves as a social catalyst when a stranger is included in a traditional collective. Until recently, alcohol occupied not the last place as an equivalent of money in the in-kind exchange of goods and services. At the beginning of the 21st century, structural changes caused by the industrialization of the Surgut Ob region, as well as economic and social reforms of the Post-Perestroika period, led to reduction in the consumption of alcohol by the Eastern Khanty. Today, these changes are represented by two

oppositely directed trends. The first tendency is represented by the processes of the revival of traditional culture, nature management, and religion. The second trend includes reappraisal of traditional religion and transition of a part of the Eastern Khanty to Protestantism.

Keywords: Surgut Ob region, Eastern Khanty, drinking practices, social functions of alcohol, alcohol in traditional religion, alcohol in everyday life.

REFERENCES

- Adaev, V.N. (2007). Demyan's goned master: (Reverence by the Khanty of the spirit-master of the Demyanka River in the 20th century). In: *Zemlia Tiimenskaia: Ezhegodnik Tiimenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia: 2006*. Tiumen': Tiumen' State University, (20), 186–205. (Rus.).
- Bugrov, D.V. (Ed.) (1994). *The Ancient City on the Ob: The History of Surgut*. Ekaterinburg: Tezis. (Rus.).
- Dmitrienko, A.N., Chukhrova, M.G. (2012). Spirits in the epos of Siberian people. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 36(5), 243–246. (Rus.).
- Dudeck, St. (2015). “Do You respect me?” Drinking as a Social Catalyst in the Reindeer Herding communities of European Russia and Western Siberia. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, (61), 89–116. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich, A.A. (1995). *Tobolsk North*. Moscow: Libereia, vol. I. (Rus.).
- Glavatskaia, E.M. (2005). *Religious traditions of the Khanty. XVII–XX centuries*. Ekaterinburg; Salekhard: RA ARTmedia. (Rus.).
- Istomin, K.V. (2011). “Attributive style” and the problem of alcohol addiction and suicide among numerically small peoples of the North and Siberia. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 89–105. (Rus.).
- Khakhovskaia, L.N. (2015). Alcoholic practices in the Koryak culture. *Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo tsentra DVO RAN*, (2), 98–107. (Rus.).
- Kliueva, V.P. (2012). Distribution of Protestantism with indigenous minor peoples (by an example of Pentecostal Khanty). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 19(4), 133–141. (Rus.).
- Kozlov, A.I. (2007). Dry law for a settlement and gin for the Chairman. *Priroda*, 1104(8), 45–49. (Rus.).
- Leete, Art. (2005). Accounts of cannibalism, human sacrifice, alcohol-addiction and filthiness among northern peoples. *Acta Ethnographica Hungarica*, 50(1–3), 241–258.
- Malinovski, B. (2006). Functional analysis. In: *Antologiya issledovaniia kul'tury. Interpretatsii kul'tury*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing, 681–702. (Rus.).
- Mauss, M. (2011). Essay on the gift. Form and basis of exchange in archaic societies. In: *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii*. Moscow: KDU, 134–285. (Rus.).
- Novikova, N.I. (1995). Alcoholism among the indigenous peoples of the North of Russia. In: *Sreda i kul'tura v usloviakh obshchestvennykh transformatsii*. Moscow: AIRO–XX, 82–89. (Rus.).
- Perevalova, E.V. (2019). *The Ob Ugrians and the Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Pivneva, E.A. (2005). Ethno-demographic aspects of the problem of alcoholism among the small peoples of the North. In: *V poiskakh sebja: Narody Severa i Sibiri v postsovetских transformatsiakh*. Moscow: Nauka, 65–84. (Rus.).
- Rud', A.A. (2018). Fires in the culture of the Eastern Khanty: modern aspects. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 41(2), 133–141. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-41-2-128-137>.
- Sokolova, Z.P. (2015). Trades on the Ob North. the indigenous people, 1950–1980 (Supply and consumption. Alcohol and alcoholism. Ready money and budget). *Vestnik ugrovedeniia*, 23(4), 91–107. (Rus.).
- Sokolova, Z.P. (2017). The Soviet shop: Trade and alcohol in the North of Ob: (The indigenous population in the 1950–1980s). *Etnograficheskoe obozrenie*, (10), 97–108. (Rus.).
- Tal'ianova, T.I. (2011). Study of alcoholism in ethnocultural aspect (review). *Sibirskii vestnik psikiatrii i narkologii*, 69(6), 53–57. (Rus.).
- Wiget, A. (2002). Economy and traditional land use of the Eastern Khanty. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov: Nauchno-istoricheskie ocherki*. Ekaterinburg: Tezis, 169–222. (Rus.).
- Wiget, E., Balalaeva, O. (2007). Srisis, Conversion and Conflict: Evangelical Christianity, Rapid Change and the Eastern Khanty. *Berghahn Journals. Sibirica*, 6(1), 1–29.
- Wiget, A., Balalaeva, O. (2014). Oil, marginalization and the Eastern Khanty. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*. Tomsk: Tomsk State University, (4), 38–72. (Rus.).
- Yarzutkina, A.A. (2017). Shelters, raids, invasions: practice of inhabitants coexistence with alcohol in Chukotka village settlements. strategies for problem minimization. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, 9(6-2), 137–143. (Rus.).

Рудь А.А., <https://orcid.org/0000-0002-0438-8159>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021